

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.081-095

И. Е. Михеева
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Принцип добросовестности в банковской деятельности

Резюме. В российском праве прослеживается расширение правовых принципов. Практика их применения свидетельствует, что классическое понимание принципов перестало в полной мере отвечать изменившимся экономическим условиям. Автором изучены проблемы определения содержания принципа добросовестности, связанные с выделением различных критериев добросовестного поведения, определение которых для банковской деятельности вызывает сложности в правоприменительной практике. Суды не всегда оперативно формируют позицию для защиты прав потребителей финансовых услуг. В статье отмечено, что масштабная трансформация банковской деятельности привела к появлению новых видов недобросовестных практик со стороны банков. Прежде всего это связано со снижением их доходов от традиционных банковских операций, что породило стремление кредитных организаций получать прибыль за счет иных источников — небанковских услуг. Автором выделены два новых направления деятельности банков, позволивших увеличить прибыль: 1) посредническая деятельность на небанковских рынках, в том числе в рамках банковских групп (холдингов); 2) внедрение дистанционных банковских услуг за счет технологической модернизации банковских услуг, что расширило недобросовестные практики, поскольку снижается информированность потребителей и их понимание относительно банковских операций.

Ключевые слова: принципы права; принцип добросовестности; банковская деятельность; банки; недобросовестные практики; посредничество; банковские экосистемы

Для цитирования: Михеева И. Е. Принцип добросовестности в банковской деятельности. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 11. С. 81–95. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.081-095

The Principle of Good Faith in the Banking Sector

Irina E. Mikheeva
Kutafin Moscow State Law (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Russian law shows an expansion of legal principles. Practice of their application indicates that the classical understanding of principles no longer fully corresponds to changed economic conditions. The author examines problems existing in defining the content of the principle of good faith, linked to the delineation of various criteria of good-faith conduct, the determination of which for banking activity poses difficulties in law enforcement practice. Courts do not always promptly opt to protect the rights of consumers of financial services. The paper notes that the large-scale transformation of banking operations has given rise to new types of unfair practices carried out by banks. This is primarily due to a decline in their income from traditional banking operations, which has driven credit institutions to seek profits from other sources, namely, non-banking services. The author identifies two new directions of banks' activities that have increased profitability: 1) intermediary activity in non-banking markets, including within banking groups (holdings); and 2) introduction of remote banking services through technological modernization of banking offerings, which has broadened unfair practices by reducing consumer awareness and understanding of banking operations.

Keywords: legal principles; principle of good faith; banking activities; banks; bad-faith practices; intermediary services; banking platform ecosystems

Cite as: Mikheeva IE. The Principle of Good Faith in the Banking Sector. *Lex russica*. 2025;78(11):81-95. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.081-095

© Михеева И. Е., 2025

Введение

В европейской правовой науке сформировалась тенденция сокращения количества норм гражданского законодательства за счет применения основополагающих принципов правового регулирования¹. Расширение правовых принципов имеет место в настоящее время и в российском праве, это подтверждается включением основных из них в гражданское законодательство, что, по мнению Е. А. Суханова, обусловлено сравнительно недавним восстановлением в российском праве частнопроводных начал².

Проблема принципов в гражданском праве, как пишет Е. В. Вавилин, в течение продолжительного времени находится в центре научных поисков и дискуссий³, что подкрепляется различным пониманием до настоящего времени принципа добросовестности.

Отсутствие легального определения понятия «принцип добросовестности» приводит к правовой неопределенности относительно его содержания.

Раскрытие содержания указанного принципа представляется важным для разграничения добросовестного и недобросовестного поведения.

В литературе ведется дискуссия по поводу содержания принципа добросовестности: часть авторов считают, что оно раскрывается через требование к добросовестному поведению участников гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, а также при исполнении гражданских обязанностей⁴, тогда как другие авторы в своих работах утверждают, что содержание принципа добросовестности включает добросовестное исполнение сторонами своих обязательств⁵.

Содержание принципа добросовестности следует рассматривать через добросовестное поведение, поскольку оно включает не только исполнение обязанностей, но и осуществление прав. В свою очередь, недобросовестное поведение характеризуется через критерии добросовестного поведения, определение которых относительно банковской деятельности вызывает сложности в правоприменительной практике.

Как отметил финансовый уполномоченный Д. Новак, опыт показывает, что наибольшее количество недобросовестных практик допускается в области отношений потребителей и кредитных организаций⁶. Количество жалоб на деятельность кредитных организаций в 2024 г. по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. увеличилось с 47,4 до 56,7 %; жалоб, направленных на несогласие с условиями заключенного договора, — с 29,9 до 34,8 %⁷.

Это обусловлено прежде всего масштабной трансформацией банковской деятельности⁸ в начале XXI в., которая вызвана расширением посреднических услуг со стороны банков, в том числе в рамках банковских групп (холдингов) (банковских экосистем), и масштабным переходом на оказание дистанционных банковских услуг.

Стоит согласиться с тем, что действующие правила информирования потребителей

¹ Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития : монография / Е. Е. Богданова, Л. Ю. Василевская, Е. С. Гринь [и др.] ; под общ. ред. Л. Ю. Василевской. М. : Инфра-М, 2016. С. 7.

² Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1 : Общая часть. М. : Статут, 2019. С. 45.

³ Вавилин Е. В. Понятие и функциональное назначение принципов осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 87.

⁴ Соломин С. К., Соломина Н. Г. Добросовестность в гражданском праве : монография. М. : Юстицинформ, 2018. С. 20.

⁵ Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 17.

⁶ Новак Д. Наибольшее число недобросовестных практик выявляется в сфере потребительского кредитования — финансовый уполномоченный // URL: <https://finombudsman.ru/finnews/naibolsheeschislo-nedobrosovestnyix-praktik-vvyyavlyaetsya-v-sfere-potrebitelskogo-kreditovaniya-finansovyy-upolnomochennyij.html?ysclid=lt1lii9w34159661245> (дата обращения: 10.10.2025).

⁷ Банк России. Отчет о работе с обращениями. Январь — июнь 2024 года // URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/49418/2024_2.pdf (дата обращения: 16.08.2025).

⁸ Традиционно банковская деятельность представляет собой вид предпринимательской деятельности, особенностями которой являются: наличие лицензии, субъектный состав, совершение совокупности банковских операций кредитными организациями.

ориентированы на предоставление скорее информации на бумажном носителе⁹, а не дистанционных банковских услуг, что снизило для потребителей понимание банковских операций.

Нерешенность обозначенных проблем относительно принципа добросовестности приводит к разногласиям в правоприменительной практике при рассмотрении споров, возникающих из банковских правоотношений, а также общественных отношений, которые складываются параллельно с оказанием банковских услуг.

Анализ добросовестности в гражданском праве

Принцип добросовестности длительное время не был востребован в России, поскольку со «сменой экономической формации в 1917 г. принципиально поменялся подход к существу судебскому усмотрения и его роли при решении гражданских споров. Принцип доброй совести как пережиток буржуазного законодательства был исключен из системы основополагающих начал советского гражданского права»¹⁰. Плановая и последовательная эволюция понятия добросовестности, как и многих других частноправовых категорий и институтов, была прервана в советский период¹¹.

Однако отдельные ученые обращались к исследованию принципа добросовестности как до революции, так и в советское время. «Добрая совесть в качестве внешнего мерил в принципе, — подчеркивал И. Б. Новицкий, — не есть новшество современного законодательства, это развитие старой идеи, небезызвестной еще римским юристам. В римском праве во многих случаях рекомендуется судье разбирать дело *ex fide bona*, а участникам гражданского оборота определять и строить свои взаимные отношения так, как принято среди честных, добропоряд-

очных людей: *ut inter bonos agier oportet*»¹². Рассматривая принцип добросовестного осуществления субъектами советского гражданского права прав и обязанностей в соответствии с их социальным назначением в социалистическом обществе, Г. А. Свердлык пишет, что «исторически исследуемый принцип был закреплен как гражданско-правовой»¹³.

Современное возрождение принципа добросовестности началось после принятия части первой Гражданского кодекса РФ и продолжилось в части второй Кодекса. Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ¹⁴ внесены также изменения в ст. 1 ГК РФ. Эти изменения предусматривали, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

В свете изложенного можно сделать вывод о том, что нормативное закрепление принципа добросовестности в гражданском законодательстве позволяет перейти к обсуждению других вопросов, касающихся рассматриваемого принципа.

Одну из таких проблем Е. Е. Богданова сформулировала следующим образом: «Закрепляя на законодательном уровне действие принципа добросовестности, изложенная выше редакция ст. 1 ГК РФ все-таки не разрешает проблему установления содержания данного принципа»¹⁵. С. К. Соломин и Н. Г. Соломина также указывают, что некоторые проблемы остались нерешенными после законодательного урегулирования принципа добросовестности: «С появлением среди прочих основных начал гражданского законодательства принципа добросовестности актуализировался не только вопрос о его содержании, но и вопрос о соотно-

⁹ Чирков А. В. Пути преодоления информационной диспропорции в правоотношениях с потребителем финансовых услуг в условиях перехода к цифровой экономике // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 26.

¹⁰ Соломин С. К., Соломина Н. Г. Указ. соч. С. 3.

¹¹ Новикова Т. В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 3.

¹² Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6. № 1. С. 125.

¹³ Свердлык Г. А. Принципы советского гражданского права. Красноярск : Изд-во Красноярского университета, 1985. С. 115.

¹⁴ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7627.

¹⁵ Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития... С. 7.

шении понятий “принцип добросовестности” и “добросовестность” в объективном смысле¹⁶. Еще одну проблему обозначил А. А. Вишневский, по мнению которого «решение вопроса о принципе добросовестности в настоящее время представляется фрагментарным. Ни одна правовая система, равно как и юриспруденция, развивающаяся в ходе имеющих место в современном мире процессов гармонизации правовых систем, пока не располагает приближающейся к завершению теорией добросовестности в гражданском праве»¹⁷.

Таким образом, несмотря на закрепление в законодательстве принципа добросовестности, в литературе продолжают обсуждаться вопросы, связанные с понятием добросовестности, содержанием данного принципа, критериями добросовестного поведения, применением принципа, спецификой добросовестного поведения в разных сферах деятельности, в том числе в банковской деятельности, в рамках которой будут рассмотрены особенности проявления принципа добросовестности далее в исследовании.

Содержание принципа добросовестности

Ввиду отсутствия в законе легального определения принципа добросовестности нерешенным остается вопрос и о его содержании¹⁸. Раскрытие содержания указанного принципа представляется важным для решения вопроса о том, какое поведение является добросовестным или недобросовестным.

В литературе по-разному трактуют содержание принципа добросовестности. По убеждению С. К. Соломина и Н. Г. Соломиной, содержание принципа добросовестности раскрывается

через требование к добросовестному поведению участников гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, а также при исполнении гражданских обязанностей¹⁹. Е. Е. Богданова пишет, что «в правоприменительной практике стран, ориентированных на принцип добросовестности, в его содержание включают добросовестное исполнение сторонами своих обязательств. По сути дела, надлежащее исполнение обязательств стороной свидетельствует о соблюдении ею принципа добросовестности и, наоборот, ненадлежащее исполнение обязательств — о его нарушении»²⁰. В. Г. Голубцов считает, что основное содержание принципа добросовестности состоит в необходимости действовать по праву, не нарушая права других лиц и не покушаясь на общее благо²¹. Имеется мнение, что содержанием принципа добросовестности в договорном праве является «добрая совесть»²².

Для ответа на поставленный вопрос содержание принципа добросовестности будет раскрыто через добросовестное поведение, определение понятия которого обсуждается авторами в научных исследованиях.

Изучая проблему добрых нравов, И. А. Покровский писал: «Но если среди нравов должен быть произведен отбор “добрых” от “недобрых”, то мы с логической необходимостью попадаем в стремительный поток тех же вопросов, с которыми мы только что имели дело. Где взять критерий для такого отбора? В воззрениях народа? В воззрениях господствующей группы? и т.д. И, разумеется, мы и здесь в конце концов придем к тому же полному судейскому субъективизму, к которому нас привело направление вышерассмотренное: оба рукава [реки], начинаясь далеко друг от друга, попадают на одни

¹⁶ Соломин С. К., Соломина Н. Г. Указ. соч. С. 2.

¹⁷ Вишневский А. А. Принцип добросовестности в зарубежном банковском праве: подходы к проблеме // Закон. 2017. № 12. С. 177.

¹⁸ При анализе критериев не рассматриваются случаи добросовестного поведения, критерии которого законодатель определил (например, добросовестный приобретатель, добросовестный залогодержатель и т.д.). В настоящей работе далее будут рассмотрены случаи добросовестности в объективном смысле.

¹⁹ Соломин С. К., Соломина Н. Г. Указ. соч. С. 20.

²⁰ Богданова Е. Е. Указ. соч. С. 17.

²¹ Голубцов В. Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения // Российский юридический журнал. 2020. № 2. С. 148.

²² См.: Ширвиндт А. М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева / отв. ред. А. М. Ширвиндт. М.: Статут, 2014. С. 241.

и те же пороги и разбиваются в одном и том же водовороте»²³. Представляется, что вопрос о критериях добросовестного поведения продолжает оставаться одним из наиболее важных в теории добросовестности.

Е. Е. Богданова полагает, что «для решения вопроса о том, является ли поведение добросовестным (или недобросовестным), необходимо исследовать критерии добросовестности, то есть тех требований, которым должно отвечать поведение участника гражданского оборота, чтобы признаваться безупречным»²⁴. Раскрывая принцип добросовестности, С. К. Соломин и Н. Г. Соломина указывают: «...Мы неминуемо приходим к необходимости оценки любого поведения таких участников с точки зрения определенного масштаба этого поведения, выработки его стандартов, которые устанавливает и использует закон, которыми может руководствоваться правоприменитель, которые должны осознаваться участниками гражданского оборота при взаимоотношениях друг с другом (то есть с точки зрения добросовестности в объективном смысле)»²⁵. По мнению К. И. Скловского, «добрая совесть, подобно вине, представляет собой вопрос факта, но сама фактом не является. В этом смысле суждение суда о доброй совести вытекает из совокупности установленных им фактов, доказанных сторонами. Не пересматривая этих фактов, вышестоящий суд, стало быть, может сделать иной вывод о наличии или об отсутствии доброй совести в поведении лица»²⁶. Рассчитывать на какую-либо единую характеристику добросовестности не приходится, этот феномен не поддается универсальному определению, как пишет А. А. Вишневский. Он отметил, что «вы-

вод о добросовестном или недобросовестном поведении может быть сделан только применительно к анализу конкретных обстоятельств конкретного дела»²⁷. Недобросовестным поведением, согласно В. С. Ему и Е. А. Суханову, традиционно признаются действия по осуществлению права в противоречии с собственным предшествующим поведением (*venire contra factum proprium*), которые рассматриваются как нарушение «запрета противоречивого поведения»²⁸.

Как видим, вышеуказанные авторы, по-разному отграничивая добросовестное поведение от недобросовестного, в целом всё же едины во мнении о том, что для его определения требуется выяснение критериев (стандартов, признаков, фактов, обстоятельств, представлений) такого поведения²⁹.

Общий вывод по данному вопросу можно сформулировать следующим образом: оценка модели добросовестного поведения происходит с помощью требований (критериев), установленных законом и формируемых судами при рассмотрении каждого конкретного спора.

В этой связи стоит согласиться с А. А. Жгулёвым в том, что именно практикой уточняются типичные случаи применения добросовестности³⁰. Этот вывод обоснован тем, что законодатель не способен оперативно реагировать на все ситуации в жизни, предсказать все возможные обстоятельства, а задача судьи при рассмотрении гражданских дел не сводится исключительно к правильному применению закона: формальное применение норм права может привести к несправедливому исходу³¹.

В качестве критерия добросовестного поведения В. Г. Голубцов выделяет «оказание необ-

²³ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998. С. 270.

Далее в указанной работе автор делает вывод, что понятие доброй совести совпадает с понятием добрых нравов.

²⁴ Богданова Е. Е. Указ. соч. С. 31.

²⁵ Соломин С. К., Соломина Н. Г. Указ. соч. С. 12.

²⁶ Скловский К. И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М. : Статут, 2019. С. 156.

²⁷ Вишневский А. А. Указ. соч. С. 183.

²⁸ Ем В. С., Суханов Е. А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 8.

²⁹ В литературе используются понятия «критерии», «стандарты», «признаки», «факты», «обстоятельства», другие понятия, характеризующие добросовестное поведение. В настоящей работе будет использоваться понятие «критерии».

³⁰ Жгулёв А. А. Добросовестность при исполнении обязательства. М. : Инфотропик Медиа, 2011. С. 17.

³¹ Гинзбург И. В. Применение судами принципа добросовестности : сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 4. С. 90.

ходимого содействия друг другу»³², а также «доверие, информирование и сотрудничество, умение сопоставлять индивидуальные интересы с интересами третьих лиц»³³. Е. Е. Богдановой отмечено несколько критериев добросовестного поведения: учет законных интересов и разумных потребностей контрагентов; отсутствие осведомленности о предусмотренных договором или законом обстоятельствах; осуществление субъективных гражданских прав и исполнение обязанностей с соблюдением особых условий (например, немедленно, без промедления, проявляя разумную заботливость, оказывая сотрудничество и др.)³⁴.

Представляется, что используемые авторами формулировки критериев: «заботился и о ближних, относился к чужим целям, как к своим», «соответствие... стандартам заботы об общем благе и интересах других», «учет законных интересов и разумных потребностей контрагентов», «оказание необходимого содействия друг другу», «честность, открытость и уважение интересов другой стороны правоотношения» — имеют скорее сходные характеристики, чем различия, что предполагает в конечном итоге необходимость совершения одним субъектом права действия (бездействия) с учетом прав и законных интересов другого лица.

Отдельные критерии добросовестного поведения закреплены в ст. 10 ГК РФ. В пункте 3 ст. 307 ГК РФ предусмотрено, что при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные

интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию³⁵.

Практически аналогичные со ст. 307 ГК РФ критерии добросовестного поведения были отмечены и в ряде судебных актов. В постановлении Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 28-П³⁶ (п. 3.2) указано, что «при оценке действий сторон как добросовестных или недобросовестных судам следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации». В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³⁷ разъяснено, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации, учитывая при этом, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагается, пока не доказано иное.

Таким образом, содержание принципа добросовестности раскрывается через добросовестное поведение, критерии которого устанавливаются законом и судами.

³² Голубцов В. Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебной арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 180.

³³ Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 490–518.

³⁴ Богданова Е. Е. Указ. соч. С. 31–37.

³⁵ Вместе с тем в теории существует мнение, что в п. 3 ст. 307 законодатель закрепляет принцип сотрудничества как общий принцип обязательственного права. Так, Е. В. Богданов пишет о внедрении принципа, которое «было осуществлено в п. 3 ст. 307 ГК РФ в редакции Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ... Таким образом, принцип сотрудничества сторон договора получил закрепление в ГК РФ и представляет собой общее правило для всех гражданско-правовых договоров и прежде всего предпринимательских договоров» (см.: Богданов Е. В. Договоры в сфере предпринимательства : монография. М. : Проспект, 2018).

³⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. С. Билера, П. А. Гурьянова, Н. А. Гурьяновой, С. И. Каминской, А. М. Савенкова, Л. И. Савенковой и И. П. Степанюгиной» // СЗ РФ. 2015. № 45. Ст. 6311.

³⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

Анализ недобросовестного поведения кредитных организаций

Как показывает практика, далеко не все российские кредитные организации осуществляют банковскую деятельность добросовестно. Об этом может свидетельствовать количество обращений к финансовому уполномоченному на действия кредитных организаций, что подтверждает объем разногласий между банками и их клиентами. По данным Службы финансового уполномоченного, в отношении банков в 2024 г. произошел рост обращений на 13,8 % по сравнению с 2023 г. В основном такие споры были связаны с заменой предлагаемых банками при кредите дополнительных услуг их суррогатами (например, страховка заменяется независимой гарантией третьего лица или «программами обслуживания», включающими различные консультации и страхование)³⁸.

Постановка вопроса о добросовестности в контексте именно банковской сферы оправдана в силу того, что вообще оценка поведения лица как добросовестного не может быть абстрактной, она имеет смысл лишь постольку, поскольку основывается на конкретных обстоятельствах конкретного случая и принимает во внимание специфику сферы деятельности, индустрии, в которой возникает оцениваемое с точки зрения добросовестности правоотношение³⁹.

Критерии недобросовестного поведения в банковской деятельности вырабатываются с учетом того, что между сторонами банковских договоров при юридическом равенстве имеется высокая степень фактического неравенства, причина которого кроется в традиционном использовании банками типовых форм договоров; сложности понимания клиентом банковских операций; профессионализме банков, что

уже достаточно длительное время отмечается в судебной практике.

Наряду с этим в последние годы появились новые недобросовестные практики в деятельности банков, что связано с образованием банковских экосистем и цифровизацией банковской деятельности, а реакция судов на такое поведение банков в свете изменившихся обстоятельств только формируется.

Так, например, широко применяется заключение банками от имени некредитных финансовых организаций сделок, совершение которых непосредственно от имени банков запрещено правилом ст. 5 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»⁴⁰. Речь идет, в частности, о таких видах деятельности, как страхование и торговля.

Для предоставления клиентам небанковских сервисов коммерческие банки вынуждены обращаться к компаниям-партнерам или создавать аффилированные лица, чтобы также действовать в рамках Закона о банках и банковской деятельности⁴¹. «Иные» услуги банков, в том числе посреднические, развиваются огромными темпами⁴².

При осуществлении банками посреднических услуг формируются новые практики недобросовестного поведения, в том числе такие, как продажа одних услуг под видом других (мисселинг); предоставление услуги, которая в меньшей степени соответствует законным интересам клиента (имеет низкую потребительскую ценность); ограничение в выборе услуги; введение в заблуждение относительно цены услуги, доходов, стороны договора⁴³.

Э. С. Набиуллина в своем докладе назвала, к сожалению, немало банков, которые пытаются увеличить доходы за счет недобросовестных практик, используя разного рода хищнические схемы или мисселинг⁴⁴.

³⁸ Вестник финансового уполномоченного. 2025. № 1 (16). URL: https://finombudsman.ru/assets/templates/sodfu/new_content_files_structure/documents/pdf/vestnik/16K4YGH4PS1A7672MG68D1HSW.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

³⁹ Вишневский А. А. Указ. соч. С. 178.

⁴⁰ СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

⁴¹ Вахрушев Д. С., Кальсин А. Е., Нидерштраг Г. Д. Цифровизация как фактор формирования банковских экосистем: современные тенденции и актуальные вопросы регулирования // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2021. № 4 (56). С. 98.

⁴² Лаутс Е. Б. Посредническая деятельность банка: правовые проблемы // Банковское право. 2021. № 1. С. 18.

⁴³ Виды недобросовестного поведения участников финансового рынка // Банк России. URL: http://www.cbr.ru/protection_rights/np/ (дата обращения: 10.12.2022).

⁴⁴ Выступление Эльвиры Набиуллиной на встрече Ассоциации банков России // Банк России. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=9598> (дата обращения: 18.02.2021).

Понятие «мисселинг» не закреплено в действующем законодательстве. Как указано в литературе, «мисселинг не является нарушением закона, ведь потребитель самостоятельно, по собственной инициативе подписывает соответствующий договор, формально его никто к этому не принуждает. Вместе с тем это явление всё же следует квалифицировать в качестве недобросовестных действий, так как, по сути, продается не тот финансовый продукт и при этом потребителю не сообщается о его важных особенностях»⁴⁵.

Исследователями обсуждаются различные дефиниции данного понятия. По мнению С. А. Швецова, «мисселинг — недобросовестная практика продаж потребителям финансовых продуктов (услуг) в части предоставления полной, прозрачной и ясной информации о характере финансовой услуги и условиях финансового продукта, а также о сопутствующих им рисках, их стоимости и иных существенных условиях»⁴⁶. А. В. Чирков под мисселингом понимает «действия исполнителя (продавца, подрядчика) по виновному непредоставлению и (или) неполному предоставлению, а равно предоставлению заведомо ложной информации о товаре (работе, услуге) с целью побуждения гражданина-потребителя к заключению договора, направленного на приобретение указанного товара (оказание услуги, выполнение работы)»⁴⁷.

Представляется, что мисселинг является недобросовестным поведением, относительно которого судебной практикой до сих пор не выработаны четкие критерии. Как обоснованно констатирует Л. Викторова, «следует понимать, что доказать, что потребитель не был должным образом проинформирован относительно существа заключаемого с ним договора и что ему не была предоставлена полная информация об оказываемых ему услугах, будет сложно»⁴⁸.

Данный вывод подтверждается судебными актами, суды разрешают такие споры, как правило, не в пользу потребителей.

Рассмотрим конкретное дело. С. подала в суд иск к ООО СК «Сбербанк Страхование» о защите прав потребителя, признании недействительным договора, взыскании денежных средств, компенсации морального вреда, указывая, что 10 сентября 2013 г. она обратилась в доп. офис №* Волго-Вятского банка ОАО «Сбербанк России», чтобы сделать валютный вклад на сумму 2 835 300 руб. Указанная сумма находилась на ее лицевом счете по депозитному вкладу в ОАО «Сбербанк России», но она хотела разместить денежные средства в валютном депозите. Менеджер банка Ч.* Ю. Ю., узнав от истца размер предполагаемого вклада, пояснила, что депозиты в долларах США низкодоходны, валютные вклады никто не делает, но существует два вида рублевых вкладов — «Страховой — Индекс плюс» и «Смартполис», при размещении денежных средств на которых процентная ставка составляет 10 % годовых. С. это заинтересовало, и она выразила намерение заключить соответствующий договор банковского вклада. Условия договора страхования жизни подробно разъяснены ей не были.

10 сентября 2013 г. С. были заключены два договора — договор о вкладе «Страховой — Индекс плюс», по которому она внесла 1 417 650 руб., и договор страхования жизни, по которому она уплатила страховую премию в размере 1 417 650 руб. Договор страхования жизни ИМСР00 №* от 10.09.2013 был заключен с истцом не ОАО «Сбербанк России», в которое она обращалась, а ООО СК «Сбербанк Страхование», о существовании которого ей ничего известно не было и вступать в гражданско-правовые отношения с которым истец никогда не собиралась.

Договор страхования жизни «СмартПолис» ИМСР00 №* от 10.09.2013 был заключен С. под влиянием существенного заблуждения относительно предмета, природы сделки, лица, с которым она намеревалась вступить в сделку, так как сотрудник банка не разъяснила ей условий

⁴⁵ Викторова Л. Навязанная инвестиция // Приложение к газете «Коммерсантъ С-Петербург» от 20.11.2019 № 213. С. 24. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4163499> (дата обращения: 27.06.2020).

⁴⁶ Основные цели развития финансового рынка Российской Федерации : доклад первого заместителя Председателя Банка России С. А. Швецова // Круглый стол «Поведенческий надзор, от концепции к практике: агентские схемы продажи финансовых продуктов», проходивший 6 июня 2018 г. в рамках XXVII Международного финансового конгресса, г. Санкт-Петербург // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/43988/pres_13062018.pdf (дата обращения: 27.06.2020).

⁴⁷ Чирков А. В. О совершенствовании правового регулирования противодействия мисселингу при оказании финансовых услуг // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 60.

⁴⁸ Викторова Л. Указ. соч.

заключения договора, ввела ее в заблуждение и убедила заключить вышеуказанный договор. Поэтому истец просила суд расторгнуть договор в связи с тем, что она не видела, что подписывает, так как у нее плохое зрение, на момент заключения договоров у нее не было с собой очков. Целью ее обращения в банк являлось не заключение договора страхования жизни, в котором она не нуждалась, а совершение договора банковского вклада с целью получения дохода и возможностью востребования суммы вклада в любое время. Вкладчиком ОАО «Сбербанк России» истец является на протяжении многих лет, но, зная о действительном положении дел, она бы никогда не заключила упомянутый договор.

Истец просит признать недействительным договор страхования жизни «СмартПолис» ИМСР00 №* от 10.09.2013, заключенный между С. и ООО СК «Сбербанк страхование», взыскать с ООО СК «Сбербанк Страхование» сумму этого договора. Как следует из объяснений сторон и не оспаривалось ими в судебном заседании, заключение договора о вкладе с повышенным процентом было возможно только при заключении договора страхования, а в дальнейшем договор банковского вклада и договор страхования жизни действуют самостоятельно.

Суд, рассмотрев дело, пришел к следующему выводу: «Учитывая, что права истца при заключении договора страхования жизни не нарушены, оснований для признания договора страхования жизни недействительным не имеется, отсутствует вина ответчика, суд также отказывает истцу в удовлетворении иска в части взыскания инвестиционного дохода в размере 10 % годовых, компенсации морального вреда, штрафа, судебных расходов на оплату услуг представителя в полном объеме»⁴⁹.

В судебной практике есть и положительные примеры по данной категории споров⁵⁰.

Заинтересованность банков в таких посреднических услугах вызвана снижением доходов кредитных организаций от традиционных банковских операций (о котором писали представители экономической науки⁵¹), породившим стремление кредитных организаций получать прибыль за счет иных источников.

На определенном этапе кредитные организации стали создавать другие юридические лица непосредственно либо через свои дочерние компании, которые предоставляют услуги по страхованию, занимаются торговлей, а также производственной деятельностью.

Увеличение количества недобросовестных практик связывают и с появлением банковских экосистем, которые фактически представляют собой объединение, не имеющее юридической личности, включающее в себя банк и небанковские юридические лица, занимающиеся различными видами деятельности, в том числе страхованием, торговлей, производством, осуществление которых непосредственно самим кредитным организациям запрещено правилом ч. 6 ст. 5 Закона о банках и банковской деятельности. Наличие рисков в деятельности банковских экосистем неоднократно отмечалось в докладах Банка России⁵². Кредитные организации, являющиеся владельцами агрегатора информации о товарах (услугах), имеют возможность в рамках экосистемы контролировать деятельность других ее участников через предоставление им доступа к информационной платформе банка. Сформированное у клиентов доверие к кредитной организации распространяется на других участников такого объединения за счет использования фирменного наименования, сходного с фирменным наименованием банка, для воздействия на поведение клиентов при

⁴⁹ Решение Московского районного суда города Нижнего Новгорода от 16.05.2014 по делу № 2-1176/2014~М-851/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁰ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2022 по делу № 88-12429/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵¹ Кредитная экспансия и управление кредитом : учеб. пособие / под ред. О. И. Лаврушина. М. : Кнорус, 2013 ; *Воеводская П. О.* Регулирование банковских рисков в условиях нестабильности российской экономики : дис. ... канд. экон. наук. М., 2014. С. 59 ; *Хромов М.* Банки: ухудшение активов и падение прибыли // *Экономическое развитие России.* Т. 22. 2015. № 10. С. 55.

⁵² Экосистемы: подходы к регулированию : доклад для общественных консультаций / Банк России. М., 2021 // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 15.09.2025) ; Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в иммобилизованные активы : доклад для общественных консультаций / Банк России. М., 2021 // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf (дата обращения: 21.12.2025).

выборе ими товаров и услуг. Вместе с тем не все участники экосистемы могут соответствовать тем высоким требованиям к оказанию услуг, которые характерны для банка, такие компании не могут предоставить гарантии, которые дает банк, что приводит к возникновению у клиентов дополнительных рисков, причинению им вреда. Кроме того, банки навязывают клиентам дополнительные услуги с целью получения доходов от посреднических услуг, используя несовершенство действующего законодательства в части предоставления информации.

Использование банками клиентской базы (больших данных) позволяет им как владельцам агрегаторов информации реализовывать масштабные проекты по размещению на своих платформах широкого спектра услуг третьих лиц в рамках таких экосистем. При этом сформированное у клиента доверие к банку часто необоснованно распространяется и на такие компании.

На практике кредитные организации не только создают экосистемы, являясь их организаторами, но и осуществляют деятельность исполнителя, участника экосистемы. В качестве организатора кредитная организация привлекает различные организации к взаимодействию при оказании клиенту различных услуг и фактически их контролирует⁵³. Компании предлагают свои услуги под фирменным наименованием, сходным с фирменным наименованием банка (например, ПАО «Сбербанк России» рекламирует «Сбер-аптеки», «Сбер-перевозки», «Сбер-недвижимость»)⁵⁴. Появление в России банковских экосистем свидетельствует о новом этапе развития деятельности банков. В ряде случаев обращение к услугам такой компании обусловлено только доверием к банку и фактическим контролем со стороны банка, иногда тем, что клиент воспринимает эту услугу как оказываемую банком, а также удобством получения большого количества услуг в рамках одного приложения (личного кабинета).

Деятельность банковских экосистем создает дополнительные условия для недобросовестного поведения банка и других ее участников за счет сниженного по сравнению с банковской деятельностью надзора со стороны Банка Рос-

сии за такими услугами, а также ослабления позиций их клиентов.

Распространению недобросовестных практик в банковской деятельности способствуют и внедрение цифровых технологий, и желание банков сохранить роль финансового посредника на рынке. В последнее время, в том числе из-за прошедшей пандемии, банковские договоры всё чаще заключаются дистанционно, с использованием электронных средств связи, что в меньшей степени позволяет клиенту-потребителю разобраться в условиях такого договора, тогда как у банков появляется больше возможностей, в частности, для включения в такой договор несправедливых условий.

Цифровизация банковской деятельности серьезно ограничила возможности клиентов непосредственно воспринимать процесс оказания банковской услуги, понимать ее смысл и делать правильный выбор. Отсутствие личного контакта, при котором сотрудник кредитной организации может пояснить содержание банковской операции, уменьшает для клиента шансы разобраться в ее содержании. Заключение договоров дистанционно, с использованием электронных средств связи в меньшей степени позволяет клиенту-потребителю понять условия такого договора.

В судебной практике имеются примеры, когда новые технологии способствуют недобросовестным практикам банков, в частности это связано с онлайн-кредитованием.

Так, кредитные организации, формально соблюдая установленные требования, фактически снижают требования к порядку заключения договоров потребительского кредита, который установлен Законом о потребительском кредите⁵⁵, при ознакомлении потребителя с условиями договора используют проставление отметок (галочек) за него. В результате потребитель подписывает договор без фактического ознакомления с ним⁵⁶. Такое поведение банков суды признают недобросовестным.

В 2023 г. Верховным Судом РФ было сформировано несколько ключевых позиций относительно недобросовестных практик онлайн-кредитования. Одной из определяющих является позиция судов, согласно которой упрощенный

⁵³ Узденов Ш. Ш. Понятие «банковская экосистема» // Банковское право. 2022. № 3. С. 50.

⁵⁴ Цифровая экосистема «Сбера» // URL: <https://www.sberbank.com/ru> (дата обращения: 15.09.2025).

⁵⁵ Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

⁵⁶ Чирков А. В. Пути преодоления информационной диспропорции в правоотношениях с потребителем финансовых услуг в условиях перехода к цифровой экономике. С. 25–36.

порядок ознакомления с условиями договора потребительского кредита противоречит положениям Закона о потребительском кредите и может рассматриваться как недобросовестное поведение банков.

Цель предоставления индивидуальных условий в табличной форме — акцентированное доведение до заемщика основных условий договора потребительского кредита⁵⁷.

При этом еще в 2012 г. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении пояснил, что при дистанционных способах продажи товаров (работ, услуг) информация должна предоставляться потребителю продавцом (исполнителем) на таких же условиях с учетом технических особенностей определенных носителей⁵⁸.

В актах судов неоднократно отмечалось, что при заключении договора потребительского кредита в онлайн-формате *клиент фактически лишен возможности ознакомиться с индивидуальными условиями такого договора*.

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.08.2023 № 9-КГ23-10-К1⁵⁹ указано, что в нарушение приведенных норм права судом апелляционной инстанции не установлено, была ли истец ознакомлена с условиями кредитного договора и договора страхования, согласовывала ли индивидуальные условия договора, оформляла ли заявление на предоставление кредита, подписывала ли эти документы, в том числе простой электронной подписью, сообщала ли номер карты для перевода денежных средств, а если да, то каким образом.

В соответствии с определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.09.2023 № 18-КГ23-99-К4⁶⁰ упрощенный порядок предоставления потребительского кредита противоречит порядку заключения договора потребительского кредита, подробно урегулированному положениями

Закона о потребительском кредите, и фактически нивелирует все гарантии прав потребителя финансовых услуг, установленные как этим Законом, так и Законом о защите прав потребителей⁶¹. В частности, составление договора в письменной форме с приведением индивидуальных условий в виде таблицы по установленной Банком России форме, с указанием полной стоимости кредита, с напечатанными отметками (•) напротив строк об ознакомлении и о согласии с различными условиями договора и т.п. лишено всякого смысла, если фактически все действия по предоставлению потребительского кредита сводятся к направлению банком потенциальному заемщику СМС-сообщения только с краткой информацией о возможности получить определенную сумму кредита путем однократного введения цифрового кода.

В свою очередь, для кредитных организаций расширились возможности навязывать клиентам дополнительные услуги, поскольку клиенты, получившие широкий доступ к дистанционным банковским услугам, в меньшей степени могут пользоваться информацией, необходимой для правильного выбора услуги, и оценивать свои риски. Банк России обращал внимание кредитных организаций на необходимость распространения предупреждающей информации для своих клиентов, в том числе с использованием представительств в сети Интернет (веб-сайтов), о возможных случаях неправомерного получения персональной информации пользователей систем дистанционного банковского обслуживания⁶². Как указано в годовом отчете Банка России, с развитием дистанционных каналов продаж финансовых продуктов появляется проблема предоставления потребителю доступа к полной информации о них при использовании мобильных устройств — в мобильных приложениях либо облегченных версиях сайтов финансовых организаций⁶³. От-

⁵⁷ Проблемы правового регулирования банковского кредита : учебник для студентов магистратуры, специалитета и аспирантуры юридических вузов / Д. Г. Алексеева, Л. Г. Ефимова, О. М. Иванов [и др.] ; отв. ред. Л. Г. Ефимова. М. : Проспект, 2017. С. 138 (автор — О. М. Иванов).

⁵⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» (п. 44) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

⁵⁹ СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁰ СПС «КонсультантПлюс».

⁶¹ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

⁶² Письмо Банка России от 07.12.2007 № 197-Т «О рисках при дистанционном банковском обслуживании» // Вестник Банка России. 2007. № 68.

⁶³ Годовой отчет Банка России за 2021 год (утвержден Советом директоров Банка России 8 апреля 2022 г.). С. 18 // URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/40915/ar_2021.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

сутствие у потребителей адекватной информации о существовании услуги интернет-банкинга, связанных с ней рисках и мерах безопасности при ее использовании — одна из основных причин вреда для потребителя. Нередко банки доводят до своих клиентов неполную информацию о рисках интернет-банкинга и мерах безопасности при пользовании услугой, которая не дает действительного понимания того, в чем риск от использования услуги и как его избежать⁶⁴. Всё это усиливает существующие информационную и договорную диспропорции и неравенство переговорных возможностей сторон, способствует расширению недобросовестных практик.

В то же время дистанционное банковское обслуживание в перспективе рассматривается Банком России как основная форма банковского обслуживания⁶⁵.

Таким образом, банки, учитывая технический прогресс, не могут оставаться в стороне от использования новых технологий, которые, с одной стороны, позволяют обеспечивать гарантии интересов клиентов, но, с другой стороны, создают новые возможности для внедрения недобросовестных практик.

Для минимизации недобросовестных практик к профессиональной деятельности банков должны применяться более высокие стандарты поведения в отношениях с потребителями. В них следует включить требование о том, что банкам необходимо действовать в наилучших интересах клиента и обеспечивать такое же поведение со стороны других связанных с банком лиц; выявлять интересы клиента; проявлять заботливость об их правах и интересах; содействовать в предоставлении информации и правильном выборе клиентами услуги с учетом интересов клиента; разъяснять предоставляемую информацию в процессе проведения переговоров, при заключении и исполнении банковского договора.

Заключение

Из изложенного вытекает вывод, что в правоприменительной практике изменился подход к понятию принципов в целом и принципа добро-

совестности в частности. Принципы права уже не могут применяться только как основополагающие начала, требуется переосмысление их роли в правоприменении.

Закрепление на законодательном уровне принципа добросовестности поставило новые задачи, в первую очередь связанные с его содержанием.

Основные причины расширения недобросовестных практик в банковской деятельности:

— участие банков в посреднической деятельности на небанковских рынках, в том числе при предоставлении тех услуг, которые банкам предоставлять от своего имени запрещено (торговая, страховая, производственная деятельность);

— появление банковских экосистем с одним входом через банк с использованием фирменного наименования банка;

— цифровизация банковской деятельности, приведшая к преимущественно дистанционному порядку заключения договоров, что усиливает существующее переговорное и договорное неравенство сторон банковских договоров.

При этом дистанционное банковское обслуживание в перспективе рассматривается банками как основная форма банковского обслуживания⁶⁶.

В результате этого для кредитных организаций расширились возможности навязывать клиентам дополнительные услуги, поскольку клиенты, получившие широкий доступ к дистанционным банковским услугам, в меньшей степени могут пользоваться информацией, необходимой для правильного выбора услуги, и оценивать свои риски.

Законодательство и доктрина оказались неспособными противостоять этому и обеспечить правовым инструментарием, который был бы направлен на предупреждение недобросовестного поведения в банковской деятельности.

Теория добросовестности, которая была разработана правовой доктриной достаточно давно и только недавно начала возрождаться в российской правовой науке, не позволяет учитывать указанные масштабные изменения в деятельности кредитных организаций и не обеспечивает необходимой степени защиты

⁶⁴ Савельев Д. Б. Гражданско-правовые аспекты распределения рисков в интернет-банкинге // Банковское право. 2016. № 3. С. 31–36.

⁶⁵ Бровкина Н. Е. Закономерности и перспективы развития кредитного рынка в России : монография. 2-е изд., стер. М. : Кнорус, 2013. С. 150.

⁶⁶ Бровкина Н. Е. Указ. соч.

субъективных гражданских прав и законных интересов их клиентов.

Вместе с тем отсутствие легального определения принципа добросовестности, оценочная

природа добросовестности еще более усложняют решение этой проблемы, необходимо нормативно закреплять критерии как добросовестного, так и недобросовестного поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипкин И. В. Принцип добросовестности в праве: историко-теоретические аспекты // Гражданское право. 2025. № 1. С. 40–43.
- Белов В. А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики. М. : Волтерс Клувер, 2006. 96 с.
- Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. 344 с.
- Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. 197 с.
- Бровкина Н. Е. Закономерности и перспективы развития кредитного рынка в России : монография. 2-е изд., стер. М. : Кнорус, 2013. 150 с.
- Вавилин Е. В. Понятие и функциональное назначение принципов осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 87–91.
- Вишневецкий А. А. Принцип добросовестности в зарубежном банковском праве: подходы к проблеме // Закон. 2017. № 12. С. 177–186.
- Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 490–518.
- Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. М., 2016. 511 с.
- Гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М. : Бек, 1998. 785 с.
- Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1 : Общая часть. М. : Статут, 2019. 576 с.
- Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. 411 с.
- Дерюгина Т. В. Добросовестность участников гражданских правоотношений как предел и принцип права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 51–55.
- Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития : монография / Е. Е. Богданова, Л. Ю. Василевская, Е. С. Гринь [и др.] ; под общ. ред. Л. Ю. Василевской. М. : Инфра-М, 2016. 192 с.
- Егоров А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal Insight. 2013. № 2. С. 4–10.
- Жгулёв А. А. Добросовестность при исполнении обязательства. М. : Инфотропик Медиа, 2011. 112 с.
- Комиссарова Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства : монография. Тюмень : Тюменский государственный институт мировой экономики, управления и права, 2001. 128 с.
- Кузнецова О. А. Проблемы учения о гражданско-правовой ответственности // Lex russica. 2017. № 5. С. 11–23.
- Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 54 с.
- Могилевский П. С. Принцип добросовестности в гражданском праве Российской Федерации // Гражданское право. 2023. № 6. С. 6–8.
- Нам К. В. Принцип добросовестности основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 472 с.
- Новикова Т. В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 192 с.
- Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6. № 1. С. 124–181.
- Ротань В. Г. Регулятивное значение принципов гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1. С. 221–228.

Свердлык Г. А. Принципы советского гражданского права. Красноярск : Изд-во Красноярского университета, 1985. 200 с.

Скловский К. И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М. : Статут, 2019. 278 с.

Соломин С. К., Соломина Н. Г. Добросовестность в гражданском праве : монография. М. : Юстицинформ, 2018. 68 с.

Тарасенко О. А., Хоменко Е. Г. Банковское право. Теория и практика применения банковского законодательства : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016. 368 с.

REFERENCES

Arkhipkin IV. The Good Faith Principle in Law: Historical and Theoretical Aspects. *Civil Law*. 2025;1:40-43. (In Russ.).

Belov VA. On the Issue of Taxpayer Bad Faith: A Critical Analysis of Law Enforcement Practice. Moscow: Wolters Kluwer Publ.; 2006. (In Russ.).

Bogdanova EE. The Principle of Good Faith and the Evolution of the Protection of Civil Rights in Contractual Relations. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2014. (In Russ.).

Bratus SN. The Subject Matter and System of Soviet Civil Law. Moscow; 1963. (In Russ.).

Brovkina NE. Patterns and Prospects for the Development of the Credit Market in Russia. 2nd ed. Moscow: Knorus Publ.; 2013. (In Russ.).

Vavilin EV. The Concept and Functional Purpose of the Principles of the Exercise of Civil Rights and the Performance of Obligations. *Journal of Russian Law*. 2009;1:87-91. (In Russ.).

Vishnevskiy AA. Good Faith in Foreign Banking Law: Approaches to the Problem. *Zakon*. 2017;12:177-186. (In Russ.).

Golubtsov V. G. Subjective Good Faith in the Structure of the General Concept of Good Faith. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2019;45:490-518, DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-490-518. (In Russ.).

Sukhanov EA (ed.). Civil Law. In 2 vols. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Bek Publ.; 1998. (In Russ.).

Gongalo BM (ed.). Civil Law. In 2 vols. Vol. 1. Moscow; 2016. (In Russ.).

Sukhanov EA (ed.). Civil Law. In 4 vols. Vol. 1: General Part. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).

Gribanov VP. Exercise and Protection of Civil Rights. Moscow: Statut Publ.; 2000. (In Russ.).

Deryugina TV. Good Conscience of Parties to Civil Matters as the Limit and Principle of Law. *Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence*. 2013;3(20):51-55. (In Russ.).

Vasilevskaya LYu (ed.). Contract Law of Russia: Reform, Problems and Development Trends. Moscow: Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.).

Egorov AV. The Principle of Good Faith in the Civil Code of the Russian Federation: The First Steps of the Reform. *Legal Insight*. 2013;2:4-10. (In Russ.).

Zhgulev AA. Good Faith in the Performance of an Obligation. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2011. (In Russ.).

Komissarova EG. Principles in Law and the Fundamental Tenets of Civil Legislation. Tyumen: Tyumen State University of World Economy, Management and Law; 2001. (In Russ.).

Kuznetsova OA. Problems of the Civil Liability Doctrine. *Lex russica*. 2017;(5):11-23. (In Russ.).

Lukyanenko MF. Evaluative Concepts of Civil Law: Reasonableness, Good Faith, Materiality. Dr. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Moscow; 2010. (In Russ.).

Mogilevskiy PS. The Principle of Good Faith in the Civil Law of the Russian Federation. *Civil Law*. 2023;6:7. (In Russ.).

Nam KV. The Principle of Good Faith: Foundations of Theory and Law-Enforcement Practice in the Context of German Legal Experience. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2021. (In Russ.).

Novikova TV. The Concept of Good Faith in Russian Civil Law: Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2008. (In Russ.).

Novitskiy IB. The Principle of Good Conscience in the Draft Law on Obligations. *Civil Law Review*. 2006;1:125. (In Russ.).

Rotan VG. Regulatory importance of the principles of civil law. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. 2015;1:222-229. (In Russ.).

Sverdlyk GA. Principles of Soviet Civil Law. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ.; 1985. (In Russ.).

Sklovskiy KI. Transaction and its Effect. Commentary on Chapter 9 of the Civil Code of the Russian Federation. The Principle of Good Faith. 4th ed. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).

Solomin SK, Solovina NG. Good Faith in Civil Law. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2018. (In Russ.).

Tarasenko OA, Khomenko EG. Banking Law: Theory and Practice of the Application of Banking Legislation. 2nd ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2016. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михеева Ирина Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры банковского права, заведующий НОЦ правового регулирования в сфере высоких технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
iemiheeva@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina E. Mikheeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Banking Law, Head of the Research and Education Center for Legal Regulation in the High-Technology Sector, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
iemiheeva@msal.ru

Материал поступил в редакцию 25 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 октября 2025 г.

Принята к печати 15 октября 2025 г.

Received 25.11.2024.

Revised 14.10.2025.

Accepted 15.10.2025.